

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ МОДЕЛЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА США

И. Б. Зинкевич

(Гуманитарный университет транспорта и права им. Д. А. Кунаева,
кафедра уголовного права, криминалистики и правоохранительной деятельности,
профессор)

Анализ проблем развития уголовно-процессуального законодательства США показывает, что наличная система борьбы с преступностью на протяжении длительного времени подвергалась изменениям и модификациям в зависимости от уровня преступности, степени ее общественной опасности, а так же общественного мнения в стране по вопросам степени ее опасности и направлениям преодоления. При всех изменениях действующее в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство США характеризуется надежными гарантиями соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, обеспеченных конституционными нормами, судебным контролем и развитыми институтами гражданского общества.

В рамках данной статьи будет рассмотрена только часть проблем действующей модели органов уголовной юстиции США. Важные элементы, определяющие общую модель уголовной юстиции страны, а именно: реликты англосаксонского права, действующая федеральная конституция, принятая в рамках законодательного процесса, соответствующие поправки к ней, статуты и федеральные установления будут нами рассмотрены в отдельной работе. Мы считаем необходимым обратить внимание на важнейшее значение таких правовых документов как: «Федеральные правила уголовного процесса» и «Федеральные правила доказывания», традиции и правила прецедентного права, постановления конституций и законов отдельных штатов, толкования, даваемые Верховным судом США, а также существующая уголовно-процессуальная практика в рамках, так

называемого, «неформального правосудия» или «концепции усмотрений». Разумеется, это только часть проблем системы и функций уголовной юстиции, рассмотрение которых мы намерены продолжить в следующих публикациях.

В настоящее время основными правовыми актами, регулируемыми уголовный процесс, являются «Федеральные правила уголовного процесса» («Federal Rules of Criminal Procedure»), а также «Федеральные правила доказывания» («Federal Rules of Evidence»). Их основной задачей является обеспечение справедливого порядка при расследовании всех уголовных дел и закрепление основных уголовно-процессуальных принципов, таких как презумпция невиновности, право защиты против уголовного обвинения и т. д., а также установление очередности стадий уголовного процесса, правила и содержание отдельных процессуальных решений, способы использования и предъявления доказательств, принятие судебных решений и вынесение судебного приговора¹. «Федеральные правила доказывания», принятые в 1974 году, определяют правила собирания и использования доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве, обязанности и полномочия сторон по их собиранию (определение бремени доказывания каждой из сторон), права и обязанности свидетелей и обвиняемых, правила и способы получения от них показаний при допросах. Особой задачей указанных «Правил»

¹ Wayne W. Bennett, Karen M. Hess: Criminal Investigation, wyd. 4, West Publishing Company. — Minneapolis/St. Paul—New York—Los Angeles—San Francisco, 1994. С. 51.

является определение оснований, ситуаций и фактических обстоятельств, исключая процессуальную допустимость представляемых сторонами доказательств. Основопологающим правилом является установление, что всякие доказательства, имеющие непосредственную фактическую связь (relevant) с расследуемым делом являются безусловно допустимыми. Другие доказательства, несмотря на их возможную относимость к данному делу, могут исключаться из доказательственного блока в случае нарушения субъектом доказывания, в том числе офицерами полиции, процессуальных правил их собирания. Таким образом американский законодатель значительный вес придает степени относимости данного доказательства для выяснения основных обстоятельств совершенного преступления. Развитие федерального уголовного процесса в указанном направлении играет важную роль в разработке схожих моделей уголовно-процессуальных статутов (кодексов) отдельных штатов, более 40 из которых сконструировали свое законодательство руководствуясь моделью и правилами федерального законодательства.

Чрезвычайно важная роль в американской правовой системе, как мы уже выше подчеркивали, принадлежит прецедентному праву, происходящему из традиционного английского обычного права case law и доктрины судебных прецедентов. В сфере борьбы с уголовной преступностью прецедентное право имеет особое значение в установлении процессуальных норм и правил, в том числе обеспечения прав обвиняемых. Положение Case law основывается на определениях и приговорах судов высшей инстанции, особенно Верховного суда США, Верховных судов штатов, а также апелляционных судов. Такие определения оформляются как «решения суда» и фактически пишутся одним судьей, который суммирует отдельные факты и процессуальные проблемы по данному конкретному делу, аргументирует соответствующие положения статутов, прецедентов по другим, ранее рассмотренным делам, мнения авторитетных юристов и, наконец, дает окончательную формулировку предлагаемого решения. Подготовленное решение представляется на обсуждение всего состава суда и принимается путем голосования по большинству голосов (в случае отрицательного результата голосования, решение нижестоящего суда по данному делу считается принятым и утверждается в его формулировке).

По результатам обсуждения и голосования возможно утверждение, изменение либо модификация принятого нижестоящим судом решения. Нередко новое решение содержит указания и рекомендации нижестоящему суду о направлении действий по разрешению данного дела. Судьи, которые согласны с предложенной формулой решения, но возражают против содержащейся аргументации и обоснования, имеют право представить собственный вариант обоснования. Однако в противоположность практике английских судов, в американских судах право отдельного мнения судьи реализуется не часто, и является скорей исключением, чем правилом. Судья же, который не согласен ни с формулой решения, ни с его обоснованием, имеет право предложить и приобщить к принятому решению собственный вариант обоснования и формулировки такого решения. Такие судебные решения выполняют две основные задачи:

а) определение и разрешение спорных вопросов, возникших в ходе расследования данного дела. Эта задача относится не только к одним уголовным делам, разрешаемым по правилам обычного права, она имеет значение еще и потому, что в свете доктрины *res iudicata*, стороны не вправе добиваться повторного рассмотрения уголовного дела, по которому уже принято судебное решение и приговор по нему вступил в законную силу;

б) второй задачей является формулирование прецедентов, в соответствии с которыми аналогично могут разрешаться в судах схожие уголовные дела. Это соответствует положениям доктрины *stare decisis*, т. е. подтверждение (поддержка) предыдущих судебных решений и не допущение нарушения содержащихся в них обоснований и утверждений. Это требование относится только к уголовным делам, возбужденным на основе обычного права и дает возможность судам использовать ранее состоявшиеся решения для вынесения приговора по другому схожему делу. Суд вправе такие решения (прецеденты) изменять, модифицировать, создавая таким образом новый прецедент. Так что практика правосудия на основе прецедентного права «...не является застывшей, не дающей свободы судам приспособлять свои решения к реальностям современной жизни»². Стороны процесса готовясь к судебному разбира-

² George F. Cole: The American System of Criminal Justice, wyd. 7, Wadsworth Publishing Company. — Belmont, 2003. С. 211.

тельству, также нередко обращаются к судебным решениям, состоявшимся в прошлом по аналогичным делам, подбирая подходящие прецеденты, говорящие в их пользу.

Следует сказать, что по различным причинам, правовая доктрина прецедента никогда не была принята в Соединенных Штатах в такой форме, которая имела бы для судов абсолютную и обязательную силу. Считается, что одной из причин этого является динамичность социальных и экономических изменений, влияющих на создание новых правовых решений³. Значительное влияние на формирование права, и особенно направление развития уголовно-процессуального законодательства, имеет правовая конструкция, называемая «judicial revive», на основе которой американские суды могут изучить конституционность законов (разработанных Конгрессом или законодательными собраниями штатов), уставы, или даже постановления и решения, принятые органами исполнительной власти. Это одно из решающих звеньев в доктрине разделения властей и теории механизма «сдержек и противовесов» (checks and balances). Основная роль здесь принадлежит Верховному суду США, на который статьей 3 Конституции возложены функции судебной власти и надзора за единообразным применением законов (ст. 3 «Судебную власть в Соединенных Штатах осуществляет Верховный суд ...»). В соответствии с этим положением, судебная власть распространяется на «все юридические вопросы, которые могут возникнуть в связи с содержанием Конституции, законов, действующих в Соединенных Штатах, спорами между двумя или более штатами, между каким либо из штатов и гражданами другого штата ...»⁴. Согласно Конституции, все судьи Верховного суда являются пожизненными; аналогичные полномочия, ограниченные только системной компетенцией или территориально, имеют все нижестоящие суды. Одной из важнейших прерогатив Верховного суда является толкование норм материального и процессуального права (как федерального, так и штатов), изучение и контроль судебных приговоров и решений нижестоящих судов (федеральных и штатов). К сфере применения этого положения относится также право толкования Конститу-

ции, причем данная задача не связана властью Конгресса. Уже в 1789 году Конгресс утвердил «Judiciary Act» («Закон о судебной власти»), по которому Верховный суд является апелляционной инстанцией, то есть право на пересмотр, изменение или утверждение приговоров высших судов отдельных штатов. Это полномочие было сохранено, несмотря на многочисленные попытки изменить его, даже по уголовным делам, в которых одной из сторон является сам штат. Таким образом, Верховный суд является независимой третьей властью в государстве, в соответствии с теорией Монтеスキе о разделении и балансе ветвей власти. В уголовных делах роль Верховного суда заключается в рассмотрении, толковании и принятии судебных решений по делам, принятым федеральными нижестоящими судами и апелляционными судами штатов в основном в двух случаях: а) при разборе дел о законности действий сотрудников полиции; б) при связанных с новыми интерпретациями законов или обычаев⁵. Толкование Конституции в сфере уголовного и уголовно-процессуального права осуществляется в двух основных направлениях. Первое, чтобы удостовериться, что закон не затрагивает права граждан на справедливое и равное отношение (так называемое «substantive due process» — основное правило процесса). Это обычно означает, что до вступления закона в силу штат должен доказать, что предлагаемые правовые нормы необходимы для охраны общественного порядка и моральных норм (дискриминация в отношении определенных групп граждан также рассматриваются как нарушение Конституции). Вторым, и в настоящее время более важным для практики судебного толкования Конституции, является направление изучения и контроля соблюдения правил судебного или административного разбирательства (называемый «procedural due process» — процедурный порядок процесса). Это означает, что Конституция гарантирует справедливый и равный процессуальный порядок по уголовным делам в отношении всех граждан, обеспечивает защиту их права на справедливое судебное разбирательство и состоятельность процесса. Анализ постановлений Верховного суда на протяжении многих лет показывает направление эволюции в его истолковании

3 E. A. Farnsworth: An Introduction to the Legal System of the United States, Oceana Publications, Inc., London, Rome, New York, 1983. С. 45.

4 Там же. С. 49.

5 O. H. Stephens: The Supreme Court and Confessions of Guilt, The University Tennessee Press, Knoxville, 1973; The Supreme Court and the Rights of the Accused; d. J. Galloway, Facts on File, Inc., New York. (без г. изд.). С. 10.

норм уголовного права и уголовного судопроизводства. Такой анализ особенно интересен в связи с изменениями во взглядах на положение и полномочия подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, и, в общих чертах, совпадает с фазами господства либеральных или консервативных взглядов общественного мнения по этим вопросам. Особое внимание в прессе и в сообществе профессиональных юристов и политологов уделяется позиции Верховного суда по указанной проблеме в период с середины и до конца 90-х годов XX века, когда явственно был обозначен его переход на более консервативные позиции.

Следует сказать, что указанный выше первый период неразрывно связан с именем Э. Уоррена, исполнявшего в 1953–1969 годы функции председателя Верховного суда (*chief justice* — главный судья). Во время его пребывания в указанной должности было сформировано в составе Верховного суда либеральное большинство, которое своими решениями стремилось в целом расширить гражданские права (в том числе этнических меньшинств), права подозреваемого в полицейском производстве в ходе расследования и особенно обвиняемого в судебном разбирательстве. Этот период был связан со стремлением инкорпорировать вышеупомянутую клаузулу *due process*, содержащуюся в XIV поправке к Конституции, а также всех федеральных законов о гражданских правах и привилегиях в законодательства штатов. Отсюда, зачастую, указанный период времени определяют термином *due process revolution* (революция в процессуальном судопроизводстве). Как пишет F. Graham, сутью этой «революции» была деятельность Верховного суда по реформированию американского правосудия, и, прежде всего, в сфере усиления контроля над полицией, за счет внедрения «сверху» жестких конституционных норм и требований по их соблюдению, при расследовании всех уголовных дел⁶. Верховный суд в эпоху Уоррена уточнил и модифицировал значение понятий «соответствующий» и «справедливый» процесс (*due process*), и связанных с ними требований, в соответствии с нормами и духом Конституции. В своих постановлениях и определениях он эволюционировал от утверждений, что реализующий властные полномочия штат должен руководствоваться стандартами *fundamental fairness* (фундаментальной чистоты),

до требований абсолютного соблюдения штатами и местными властями конкретных предписаний *Bill of Rights* — Билля о правах. Это было тем более важно, что требование о «фундаментальной чистоте» давало штатам возможность определять свою собственную процессуальную процедуру и исключать только те, которые не прошли тест «испытания на чистоту». Этот новый подход принуждал полицию и суды штатов использовать в работе особенно точные и объективные процессуальные нормы, оперативно-розыскные и криминалистические правила и приемы, предотвращающие осуждение обвиняемого в случае нарушения полицией этих норм и правил. Этой деятельностью председатель Уоррен и весь состав Верховного суда, оказали сильное влияние на изменения в процессуальном праве, дали значительный импульс для общественных и социальных перемен в оценке проблем преступности и методов борьбы с ней, отразившихся на всем американском обществе. Среди многих вопросов, относящихся к проблеме расследования, которыми занимался Верховный суд США, был вопрос о правах обвиняемого на защиту, праве иметь своего адвоката, праве на информирование подозреваемого о его правовом положении, способах допроса подозреваемого, толковании понятия *probable cause and exclusionary rule* — т. е. понимание причины и случаи, исключающие вину, полномочия полиции на арест, и т. д. Первым крупным событием в изменении взглядов Верховного суда считается дело *Мэпп против штата Огайо* (1961), в котором полиция провела обыск без надлежащего судебного приказа на производство этого действия. Значимость решения Верховного суда, кроме правового содержания, заключается в том, что впервые Верховный суд США предписал всем органам уголовного преследования штатов строго руководствоваться конкретными конституционными правилами, ограничивающими произвольность в их деятельности. По ряду других дел Суд Уоррена узаконил такие известные прецеденты, как право на участие адвоката (1964), право подозреваемого на участие адвоката в ходе предварительного расследования (1966), порядок обращения полиции с подозреваемым и обязанность информировать его о его правах.

Либеральные тенденции в деятельности Верховного суда постепенно изменились после ухода Е. Уоррена с поста председателя в 1969 году,

⁶ F. Graham: *The Self — Inflicted Wound*, Macmillan, New York, 1970. С. 16.

и избрания на его место У. Бюргера. Состав судей пополнился лицами, представляющими более консервативные взгляды. Позиции Верховного суда по общественно-правовым вопросам стали более жесткими и консервативными, в его определениях и приговорах возобладала тенденция к ограничению прав подозреваемых и обвиняемых за счет расширения полномочий органов уголовного преследования в их возможностях применения негласных оперативно-розыскных и криминалистических методов. Это особенно стало заметно во время президентуры Р. Рейгана. В это время стали широко использовать «превентивные» аресты, произвольные толкования норм о недопустимости доказательств (*good-faith exception* — добросовестные исключения) и более широкое применение смертной казни. Верховный суд вновь согласился на проведение полицией обысков по делам о сбыте наркотиков без судебного приказа, а также праве полиции на арест подозреваемых на срок до 48 часов без соответствующего судебного ордера и без проведения допроса в указанный срок. Некоторые критики новых позиций Верховного суда квалифицируют эти изменения как «деконституционализацию уголовного процесса». Они утверждают, что легализация произвольной практики в действиях полиции приводит к отрицанию незыблемости *Bill of Rights* — Билля о правах в практической юрисдикции штатов⁷. Однако в настоящее время, в отличие от указанной позиции Верховного суда, явно наблюдается более либеральное и широкое толкование и практическое использование прогрессивных положений конституций судами штатов, в том числе содержащихся в них правил защиты прав граждан. Эти суды, в соответствии с федеральной конституцией, стремятся обеспечить более надежную правовую защиту обвиняемого. В этом заключается наследие деятельности Верховного суда по защите гражданских прав, возглавлявшегося в свое время Е. Уорреном.

В итоге стоит отметить явление, заключающееся в том, что за пределами позитивного законодательства в системе правосудия США (особенно на стадии судебного разбирательства, в ходе оперативно-розыскной работы полиции или прокурорского следствия), важную роль играет характер

поведения самих органов власти, применяющих законы при принятии различных решений. Речь идет о так называемом факторе «формального и неформального компонента в деле правосудия». Право, как система записанных стандартов, является формальной базой правосудия, поскольку определяет границы, в которых действуют следственные и судебные органы. В уголовном процессе США, однако, часто говорят о «неформальном правосудии», имея в виду ежедневную, рутинную работу, которая в равной степени показывает облик судебной власти. «Неформальное правосудие» подразумевает свободу принятия решений (так называемая «концепция усмотрений» — *discretion*), т. е. право принимать решения без письменных правил. В таком контексте иногда говорят о «реальностях правосудия в практических действиях»⁸. Такое дозволение на свободу интерпретации полномочий со стороны властей не означает противозаконности в деятельности или поведении без каких-либо правовых оснований. Наоборот, полицейское и судебное разбирательство должны основываться на правильном собственном варианте в толковании законов и их духа. В рамках таких «дискреционных» полномочий полиция может свободно принять решение об аресте или обыске, а прокурор может предъявить обвинение или «торговаться» о признании виновности обвиняемого. В более широком понимании концепция усмотрения охватывает любое решение принятое в ходе уголовного судопроизводства, будь то полицией или прокурором, судьей или присяжными⁹.

Таким образом, рассмотренные нами проблемы развития уголовно-процессуального законодательства США показывают, что наличная система борьбы с преступностью на протяжении длительного времени подвергалась изменениям и модификациям в зависимости от уровня преступности, степени ее общественной опасности, а так же общественного мнения в стране. При всех изменениях уголовно-процессуальное законодательство характеризуется надежными гарантиями соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых, обеспеченных конституционными нормами, судебным контролем и развитыми институтами гражданского общества.

7 G. A. Ashdown: *Drugs, Ideology, and the Deconstitutionalization of Criminal Procedure*, «West Virginia Law Review», vol. 95, nr 1, 1992. С. 6.

8 J. Samaha: *Criminal Justice*, West Publ. Co., Minneapolis/St. Paul—New York—Los Angeles—San Francisco, 2004. С. 12.

9 Журнал «Власть» № 16–17 (819–820) от 27.04.2009. С. 12.